

Женева 18/30 Мая/<18>68

Благодарю Васъ за Ваше письмо, дорогой мой Аполлонъ Николаевичъ, и за то что, разсердясь на меня, не прекратили со мной переписку. Я всегда, въ глубинѣ сердца моего, былъ увѣренъ, что *Аполлонъ Майковъ* такъ не сдѣлаетъ. - Соня моя умерла, три дня тому назадъ похоронили. Я за два часа до смерти не зналъ что она умретъ. Докторъ за три часа до смерти сказалъ что ей лучше и что будетъ жить. Болѣла она всего недѣлю; умерла воспаленіемъ въ легкихъ. - Охъ, Аполлонъ Николаевичъ, пусть, пусть смѣшна была моя любовь къ моему первому дитяти, пусть я смѣшно выражался объ ней во многихъ письмахъ моихъ многимъ, поздравлявшимъ меня. Смѣшонъ для нихъ былъ только одинъ я, но Вамъ, *Вамъ* я не боюсь писать. Это маленькое, трехмѣсячное созданіе, такое бѣдное, такое крошечное - для меня было уже лицо и характеръ. Она начинала меня знать, любить и улыбалась когда я подходилъ. Когда я своимъ смѣшнымъ голосомъ пѣлъ ей пѣсни, она любила ихъ слушать. Она не плакала и не морщилась когда я ее цаловалъ; она останавливалась плакать,

// л. 56

когда я подходилъ. И вотъ теперь мнѣ говорятъ въ утѣшеніе, что у меня еще будутъ дѣти. А Соня гдѣ? Гдѣ эта маленькая личность, за которую я, смѣло говорю, крестную муку приму, только чтобъ она была жива? Но впрочемъ оставимъ это, жена плачетъ. Послѣ завтра мы наконецъ разстанемся съ нашей могилкой и уѣдемъ куда нибудь. Анна Николавна съ нами: она только недѣлю раньше ея смерти пріѣхала.

Я¹ работать послѣднія двѣ недѣли, съ самого открытія болѣзни Сони², не могъ. Опять написалъ извиненіе Каткову и въ Русскомъ Вѣстникѣ, въ Майскомъ номерѣ опять явится только три главы. Но я надѣюсь, что теперь день и ночь буду работать не отрываясь и съ Іюньскаго номера романъ будетъ выходить по крайней мѣрѣ прилично.

Благодарю Васъ, что не отказались быть крестнымъ отцомъ. Она крещена была за 8 дней до смерти.

Я знаю, другъ мой, что очень виноватъ передъ Вами, до сихъ поръ не возвративъ Вамъ взятыхъ у Васъ денегъ и что кромѣ того изъ тѣхъ, которыя еще недавно получилъ отъ Каткова, отдалъ часть Эмилиіи Ѳедоровнѣ и Пашѣ и ничего

// л. 56 об.

еще Вамъ, тогда какъ Вы теперь должно быть очень нуждаетесь. Но сожалѣніемъ не поправишь, и потому скажу прямо все, что могу сказать *точно*: Въ настоящую минуту отдать ничего не могу, у самого *почти* ничего нѣтъ и оставляя Женеву даже платье свое и женино заложилъ (говорю только Вамъ). У Каткова же

¹ Далее было: къ удивленію нашему

² Сони вписано.

попросить въ сію минуту - не смѣю, такъ-какъ вотъ уже три мѣсяца его обманываю. Но черезъ 1 ½ мѣсяца и *самое бѣльшее* черезъ 2 (*вѣрно говорю*) - попрошу Каткова выслать Вамъ отъ меня 200[°]. Это вѣрно. Что же касается до того, что до сихъ поръ объ Васъ не подумалъ - то это *ей Богу* несправедливо. У меня очень болѣло; но что я Вамъ скажу? Ничего не могу сказать. Вспомните только одно, Аполлонъ Николаевичъ, что занимая у Васъ тогда эти 200[°], я и тогда³ почти на половину занималъ для нихъ, для родныхъ, и черезъ Васъ же пошло имъ 75 руб. изъ тѣхъ 200. Кажется такъ было, сколько помню. Васъ-же слишкомъ благодарю за то что спасли меня тогда и слишкомъ цѣню Вашу деликатность со мной до сихъ поръ, не смотря на то, что Ваше положеніе было тяжелое, объ чемъ я теперь узналъ.

Кстати, одна *большая просьба*: не передавайте извѣстія о томъ, что моя Соня умерла никому изъ моихъ *родныхъ*, если встрѣтите ихъ. По крайней мѣрѣ я-бы очень желалъ чтобъ они не знали этого до времени, разумѣется въ томъ числѣ и Паша. Мнѣ кажется, что не только никто изъ нихъ *не* пожалѣетъ объ моемъ дитяти, но даже можетъ быть

// л. 57

будетъ напротивъ, и одна мысль объ этомъ озлобляетъ меня. Чѣмъ виновато это бѣдное созданіе передъ ними? Пусть они ненавидятъ меня, пусть смѣются надо мной и надъ моей любовью - мнѣ все равно.

Простите, что Паша Васъ такъ беспокоитъ. Что съ нимъ будетъ - не понимаю? Къ чему онъ ведетъ? Эти два мѣста, которыя у него были, могли бы сдѣлать его честнымъ и независимымъ. Какое направленіе, какіе взгляды, какіе понятія, какое фанфаронство! Это типично. Но опять-таки, съ другой стороны, - какъ его такъ оставить? Вѣдь еще не много и изъ этихъ понятій выйдетъ Горскій или Раскольниковъ. Вѣдь они всѣ сумасшедшіе и дураки. Что съ нимъ будетъ, не знаю - только Богу *молюсь* за него. Кстати еще: на мое письмо, три мѣсяца назадъ, - онъ *ничего* не отвѣтилъ. Нѣжнѣе нельзя было написать ему. Онъ смотритъ на меня единственно только какъ на обязанного посылать ему деньги, *до того*, что даже не написалъ мнѣ двухъ строкъ, хотя бы въ припискѣ въ чьемъ-нибудь письмѣ, чтобъ поздравить меня когда родилась Соня. Мнѣ не хотѣлось-бы чтобъ онъ узналъ о ея смерти.

Я узналъ тоже, что у него въ рукахъ нѣкоторыя пришедшія ко мнѣ, въ этотъ годъ, письма - чрезвычайно важныя. (Одно изъ нихъ отъ прежней моей знакомой Круковской). Какъ-бы ихъ переслать мнѣ сюда. Это очень, очень для меня важно. Можетъ быть и другія есть у него письма.

До свиданія другъ мой. Постараюсь писать Вамъ съ нового мѣста. *Montreux* - про которое Вы пишете, есть одно изъ самыхъ *дорогихъ* и модныхъ мѣстъ во всей Европѣ. Поищу гдѣ-нибудь деревеньку подлѣ Вевея. Вашъ переводъ Апокалипсиса - великолѣпный, но жаль что не все. Вчера читалъ его.

Вашъ весь Федоръ Достоевскій.

³ и тогда *вписано*.

Жена Васъ благодарить за все и просить образокъ Сони оставить для нее.⁴

// л. 57 об.

⁴ *Текст: Жена Васъ благодарить за все и просить образокъ Сони оставить для нее. – вписан слева на полях л. 56.*